

дая минута этого фильма), т. е. для выражения эмоций, этот глагол нарушает заведенное правило.

Как известно, самой эмоциональной и восторженной категорией общества является молодежь. Юноши и девушки не согласны мириться с тем, что их родной язык звучит сухо и неэмоционально, и они влияют на ситуацию, привнося в язык неологизмы. Именно поэтому среди сленга молодежной субкультуры можно найти огромное количество новых слов, выражающих эмоции. В основном это старые слова, употребленные в переносном значении (*прикалываться над чем-л., тащиться от чего-л.*) или заимствования (*супер, класс*).

Примечания

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: СПб., 1993. С. 874.
2. Там же. С. 669.
3. *Kramsch C.* Language and Culture. Oxford, 1998. P. 81–82.

© Т. Е. Яцуга
ТГПУ, г. Томск

Идея «невыразимости мира» и ее лексическое воплощение в лирике З. Гиппиус

Идея невыразимости мира занимает центральное положение в эстетике символизма. Невозможность найти адекватное языковое воплощение «новому знанию», приобретенному поэтом в результате мистического опыта, порождает ощущение неэффективности прежних поэтических средств, необходимых для творческого диалога автора и читателя, и приводит к эксперименту, поиску новых форм их взаимодействия в процессе художественной коммуникации. Оставаясь в рамках символизма, З. Гиппиус ищет новые способы создания экспрессивности поэтического текста, стихотворной магии, которая, как об этом писала сама Гиппиус, заключается «в неожиданно-счастливым сочетании слов, когда сами слова, в отдельном значении, гаснут, тают, отступают, обнажая то, что за ними» [1].

Идея невыразимости мира приобретает в творчестве З. Гиппиус уникальное авторское наполнение и репрезентируется в ее поэтических текстах через концептуальную структуру «молчание — слово» и концепт «небывалое».

Следствием межконцептуальных связей в **ментальной структуре «молчание — слово»** является наличие индивидуально-

авторского **концепта «несказанное слово»**, синкретичного семантического инварианта, призванного устранить конфликт между *молчанием* и *словом* в лирике З. Гиппиус («*Мне кажется, что истину я знаю /и только для нее не знаю слов...»*).

Концепт «несказанное слово» редко эксплицируется в поэтических текстах З. Гиппиус, а его ассоциаты выявляются при анализе связей концептов в рамках ментальной структуры «молчание — слово». Так, например, в стихотворении «*Никогда не читайте*» лексическое воплощение концепта «несказанное слово» осуществляется за счет синтагматической связи репрезентантов двух концептов: номината концепта «слово» (*слов*), его ассоциата «*музыка*» и лексического репрезентанта концепта «молчание» (*безмолвие*). Концепт «несказанное слово» в художественном мире З. Гиппиус ставит под сомнение постулат о коммуникативной силе языка.

Межтекстовое ассоциативно-смысловое поле **концепта «небывалое»** имеет более сложную и разветвленную сеть ассоциатов и разнообразные способы экспликации в художественном тексте. Отметим наиболее яркие случаи вербализации данного концепта в поэтических текстах З. Гиппиус:

1. Необычность цветовой символики, расширяющей границы референции цветообозначений [2], в поэтической картине мира З. Гиппиус вызвана утратой типовых ассоциаций, закрепленных за прилагательными, и возникновением уникальных, индивидуально-авторских ассоциаций. Синтагматическая спаянность лексических единиц, обозначающих оттенки зеленого и красного цвета, наблюдается во многих стихотворениях З. Гиппиус («*зеленопламенный*», «*разлив зари зеленовато-винный*», «*и зелен зорь весенних тихий цвет*», «*идем к Зеленому дорогой красною*»). Смысловая слитность зеленого (возрождение) и красного (цвет крови, преобразования) цветов становится понятной при проецировании природных явлений в мир человека: *зеленая заря* символизирует возрождение, воскресение, связана с обновлениями и изменениями. Подобный эффект новизны, повышающий общую экспрессивность текста, создает сочетание цветowych прилагательных с абстрактными существительными, которые называют незримое явление. Так, в стихотворении «*Серебряный день*» происходит расширение коммуникативных возможностей слова «*серебряный*» (о коммуникативном потенциале слова писали Н. С. Болотнова [3], И. И. Бабенко [4]). Прилагательное «*серебряный*» свидетель-

ствует о глубине проявления чувства («серебряная нежность», «серебряная печаль») и становится символом «отсутствия наносного блеска», «искренности».

2. Концепт «небывалое» часто вербализуется в стихотворениях, посвященных теме уничтожения России в период революции 1917 года. Так, в стихотворении «Желтые окна» смысловое развертывание текста осуществляется за счет ассоциативно-образной цепочки: *червивый дымный ворох туч — мертво рудеют ивы — желть жарких круч — ручей как черное вино — трава как жженная бумага — тела апрельских рощ — ржавый сухой и горький дождь*. Эти семантически близкие образы (тучи, ива, кручи, ручей, трава, бумага, дождь), включая метафорический образ «желтого окна», вынесенный в заглавие текста, раскрывают тему небывалого безумия, связанного с революционными преобразованиями. Их ассоциативная связь происходит на основе общих семантических признаков, которые выявляются у слов в ближайшем контекстном окружении и объединяют данные образы в ассоциативно-образную цепочку (сема «смерть» присутствует в лексемах «червивый» — «мертво» — «тела», «кровь» — в словах «ржавый» — «вино»; сема «огонь» сближает лексические единицы «дымный» — «жаркий» — «жженный», сема «слезы» проявляется в словах «тучи» — «ива» — «дождь»). Так, под влиянием синтагматических связей в лексеме «тела» эксплицируется сема «смерть» («бессмысленно-кровавы тела апрельских рощ»), а в слове «дождь» актуализируется потенциальная сема «слезы», благодаря сочетаемости с прилагательными «горький» и «ржавый» (близость к красному цвету) (см: ассоциаты в РАС на слово-стимул «слезы»: горький, кровавый [5]). Каждый метафорический образ вносит новый аспект в раскрытие данной темы: *разложение, гниение — безжизненность — накал страстей — кровавость — уничтожение — бессмысленные жертвы — скупые слезы, не приносящие облегчения*. Таким образом, желтое окно, из которого лирический герой видит окружающий его мир, становится символом сумасшедшего дома, безумия.

3. Приверженность поэта к такому поэтическому приему, как оксюморон, основанному на сочетании слов с противоположными семами, создающему эффект размытости лексического значения, соответствует авторской интенции — показать разрушение старых отношений между людьми, крах «прежней действительности»: «*неверность верную храня*», «*ложь неложная*», «*война невоенная*», «*любим не любя*», «*безогненный костер*».

Этот же авторский замысел реализуется употреблением лексем, в семантике которых заложена идея неясного, невыразимого («цветы небывалые», «неизведанное», «позор небывалой войны», «невозможные слова», «таинственные дети еще не со-знанных миров», «снег несуществующий», «нездешняя прохлада», «непонятная тревога», «нас зовет Небывалое», «созвучия нерожденные»).

4. Создание индивидуально-авторских новообразований используется: 1) как средство обозначения нового художественного явления, номинат которого отсутствует в языке («А где-то на поле цветы небывалые, и называется поле — нетово...»); 2) средство создания повышенной экспрессивности художественного текста (в окказионализме «неразнимчато» усилена сема «спаянность», «слитность», содержащаяся в мотивирующем глаголе *не разнять*).

Таким образом, словотворчество З. Гиппиус детерминировано как парадоксальностью мышления поэта, так и эстетикой символизма с его поиском новых техник экспрессивности, эффективных поэтических средств, организующих познавательную деятельность адресата в процессе интерпретационной деятельности.

Примечания

1. Гиппиус З. Почти без слов; Адамович Г. На Западе / / Гиппиус З. Н. Арифметика любви (1931–1939). СПб., 2003. С. 557.

2. Кондрашова О. В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект). Краснодар, 1998. С. 36–37.

3. Болотниova Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.

4. Бабенко И. И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. И. Цветаевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.

5. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь от стимула к реакции. М., 1996. Кн. 3. С. 136–137.